

ЗАПИСКИ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА

МИХАИЛ ЧВАНОВ

ЛЕСТНИЦА В НЕБО

Аксаковский фонд, Салаватская епархия РПЦ, Уфимский поисково-спасательный отряд МЧС России, национальный парк «Башкирия», заповедник «Шульган-таш» и телепрограмма «Следопыт» Башкирского спутникового телевидения организовали уникальную экспедицию, посвящённую 50-летию первого спуска в пропасть Кутук-Сумган и 25-летию МЧС России.

Из полученных мною государственных, общественных наград и литературных премий, нисколько не умаляя их значимость, более всего я, наверное, дорожу почётным знаком «Отличник разведки недр», присвоенным 50 лет назад мне, 21-летнему выпускнику филологического факультета, Министерством геологии СССР за руководство экспедицией Башкирской республиканской секции спелеологов и географического факультета БГУ (научные руководители Е. Д. Богданович и И. К. Кудряшов), осуществившей первый спуск в крупнейшую и сложнейшую пещерную систему Урала — пропасть Кутук-Сумган, за два года до того обнаруженную геологами А. Олли и Р. Алксне. Признаюсь, что горжусь этой страницей в своей биографии: за три сезона работы в пропасти, а мы произвели топографическую съёмку её полостей на протяжении шести километров, спускаясь всё дальше вглубь Земли, продираясь сквозь шкурудёры, плавая на резиновых лодках по подземным рекам, по несколько суток находясь там, я не потерял ни одного человека. Но уже следующая экспедиция, Московского университета, закончилась трагически: двое погибших... О непростой истории исследования пропасти свидетельствуют мемориальные доски на скалах над её жерлом, не случайно, что в туристских проспектах её называют Пастью Дьявола, хотя я категорически против этого названия.

Мне, тогда начинающему писателю, пропасть Кутук-Сумган дала возможность взглянуть на планету как бы со стороны: в пещерах, чисто психологически, иначе ощущаешь время — это словно обратный космос. В результате родилась повесть «Лестница в небо», переиздававшаяся много раз и, может, определившая в какой-то степени мою дальнейшую писательскую судьбу.

Идея юбилейной экспедиции родилась не сразу...

Положив шесть летних сезонов на исследование Каповой пещеры (дальних её горизонтов, куда до сих пор не пускают туристов, где в подземной реке незадолго до этого погиб спелеолог Валерий Насонов), а затем Кутукских пещер, я не просто остыл к пещерам, заработав в них клаустрофобию, а стал испытывать к ним полное

равнодушие, граничащее с отвращением. Может, это чувство бросило меня в противоположную стихию: к кратерам в то время самых грозных действующих вулканов Камчатки: Ключевского (4850 м), Безымянного, Плоского и Острого Толбачиков. Потом один из четвёрки папанинцев, академик Е. К. Федоров и легендарный полярный штурман, высаживающий папанинцев на полюс, В. И. Аккуратов попросили меня организовать экспедицию по поискам пропавшего в 1937 году при перелёте из СССР в США через Северный полюс самолёта С. А. Леваневского. Потом... Много ещё было разных непростых дорог, и меня не покидает неуютное чувство, что они, может быть, увели меня от главного, что я не оправдал наказа моего духовного наставника в литературе, большого белорусского писателя Василя Быкова, написавшего мне в пору навешивания на меня различных ярлыков и в пору его глубокой опалы: «Не слушайте там всяких... Вы можете. Многое можете. Только не надо растрчивать себя по пустякам, соберитесь с силами и напишите что-нибудь значительное, ёмкое и глубокое». Чем я только не занимался и не занимаюсь, отрывая себя от главного! В то же время, кто знает, что у человека главное? Меня не может не заставить задуматься, что читатель уже не плачет над тем, что я, умудрённый опытом, пишу сегодня, а снова и снова возвращается к моим ранним вещам, таким, как рассказ «Билет в детство», который критики в один голос определили в разряд классики русской литературы. Что-то я потерял в этих экзотических дорогах, может, главное.

Да, к пещерам я больше не испытывал интереса. Но пропасть Кутук-Сумган была для меня не просто пещера: хотя желания вернуться в неё не было, она постоянно была в памяти. И висела над моим рабочим столом фотография «Лестница в небо», сделанная мной, висящим на лестнице в жерле пропасти. Гляжу на неё и вспоминаю, как просил висящего чуть ниже меня профессионального фотографа Евгения Шарова: «Сделай снимок».

«Не получится, мало света». «Тебе что, жалко кадра? Дай фотоаппарат!» Дилетант часто делает возможным то, что профессионал считает невозможным, это правило касается и литературы. Эта фотография стала признанным символом пропасти, она не только на обложках почти всех переизданий моей повести «Лестница в небо». Всё дальше уходило время первого спуска, и, к удивлению нас, перво-

проходцев, с каждым годом всё больше находилось людей, которые спускались в пропасть, ставшую широко известной не только в России, «первыми». Хотя у всех «первых» названия, данные колодцам, лазам, залам на всех топографических планах пропасти были почему-то нашими. А в Черногории случайный знакомый, узнав, что я из Башкирии, воскликнул: «У вас там есть пропасть Кутук-Сумган, в которую я спускался первым». «Когда?» — спросил я его. «В 1986 году». «Ты ещё под стол не ходил, когда я в неё спускался». И тут позвонил мне мой старый друг, начальник Уфимского поисково-спасательного отряда МЧС России, одного из лучших спасательных подразделений России, Вячеслав Владимирович Климец, для меня просто

Слава, в ту далёкую пору провожавший меня в экспедицию в пропасть в роли начальника контрольно-спасательной службы областного совета по туризму: «У меня в архиве сохранился твой экспедиционный отчёт, заезжай, подарю». Я читал свой отчёт как приключенческий роман: как добирались до горно-таёжного башкирского села Бурзян самолётом-кукурузником, потом рубили сухостойные сосны на прибрежных скалах, из которых вязали плоты, как сплавливались на них по реке Белой, разбивая плоты на перекатах, до урочища Сакаска, как поднимали снаряжение по ущелью... Я передал этот отчёт в музей Национального парка «Башкирия», на территории которого теперь находится пропасть, и в разговоре с тогдашним директором парка И. И. Якуповым родилась идея «юбилейной» экспедиции... Мои друзья, первопроходцы Владимир Камалов, Александр Жаркевич, Эдуард Нигматуллин, Рудольф Бураков, Александр Петраш с радостью приняли предложение. На мой вопрос, есть ли желание снова спуститься в пропасть, не задумываясь, ответили: «Есть!» Но как это осуществить? У нас нет никакого снаряжения. Тогда я поехал в Уфимский поисково-спасательный отряд: мой дорогой друг Слава Климец и сменивший его на посту начальника отряда Юрий Иванович Зуев сказали: «Поможем! Только напиши письмо начальнику Приволжского регионального центра МЧС России генерал-полковнику Игорю Константиновичу Паньшину. Мы — народ служивый, нам нужен приказ или разрешение. Мы посвятим этот спуск 25-летию МЧС, и с вами пойдут наши лучшие спасатели». Транспортные и технические проблемы брал на себя сопредседатель Попечительского совета Аксаковского фонда, генеральный директор Катав-Ивановского приборостроительного завода Челябинской области Динар Равильевич Сагдетдинов. Началась подготовка к экспедиции.

В октябре прошлого года на Международном литературном форуме «Золотой витязь» в Пятигорске мне подарили альбом: священники местной епархии вместе с альпинистами продолжают поиски солдат, погибших в Великую Отечественную на Марухском перевале. По возвращении в Уфу я передал альбом не столь дав-

165-метровая отвесная скала, в середине которой находится Антониева пещера

но возведённому в сан епископу Салаватскому и Кумертаускому Николаю (Субботину).

— А можем ли мы организовать нечто подобное? — неожиданно спросил он.

— Можем, — не задумываясь, ответил я — В верховьях Белой в отвесной 165-метровой скале есть Антониева пещера, в которой во второй половине XVIII века жил монах-пустынный. Есть документальное свидетельство. В мае 1770 года его келью в пещере посетил академик Иван Лепёхин, он отметил этот факт в своих «Дневных записках». Он спускался в неё по узкому уступу. Позже этот уступ якобы был разбит молнией, и пещера стала недоступной. Мы совместно с МЧС России готовим юбилейную экспедицию в пропасть Кутук-Сумган, которая находится примерно в этом же районе, мы могли бы запланировать и спуск в Антониеву пещеру. Подумайте. Что касается пропасти Кутук-Сумган, мы были бы благодарны Вам, если Вы, не спускаясь в неё, отслужили бы молебен по всем погибшим в этой пропасти, попросили бы Господа здравия всем покалеченным и освятили бы её на предмет будущих экспедиций, сняв с неё клеймо Пасти Дьявола.

На другой день по электронной почте я отправил Владыке отрывок из «Дневных записок» академика И. И. Лепёхина:

«...разные чудеса, которые нам о сём удалившемся человеке рассказывали, побудили нас и его посетить уединение. Жилище его было посреди утёса высочайшей горы... Первый к нему приход с левой или западной стороны хотя трудноват, но, однако, не неприступен. Редкий по горе лес в слаживании по крутизне много нам вспомоществовал; да и достальное пространство, спускаясь по канату, преодолеть было нетрудно. Но самоважнейший проход поперёк горы до жилища Антонова весьма был страшен. В утёсе как бы нарочно оставленный уступок, шириною на поларшина (*аршин — 71, 12 сантиметра — М.Ч.*), а инде и менее, последнюю тропу к Антонову составлял жилищу. По оному должно было пробираться сажен до десяти, имея под собою и перед собою прямой каменный утёс. Приступок сей кончится как бы в нарочно сделанных

переходах, укрепленных вверху в половину дуги сведенными бревнами. От оной свободный уже проход в нарочито пространный грот... В сём гроте избрал себе уединённое жилище упомянутый Антон... Не без услаждения смотрели на труды сего человека. Все нас уверяли, что без всякой помощи устроил он себе жилище, которое казалось нам быть делом многих людей. От грота вниз горы сажен на пять была крутизна, под которою остальная горы высота сажен на тридцать представляла прямой утёс. Крутизну оную сравнивал он огромными камнями, между которыми иные казались нам быть с лишком пуд в десять. От сего перед гротом произошла ровная квадратная площадь на восемь сажен в поперечнике; и поверхность ея убита была глиною с песком весьма гладко. На сей площади сооружена его храмина, из трёх маленьких покойцев состоящая. Снаружи сделана она из кирпича, который в одной горной расселине и был обжиган, а внутри стены убраны были изрядною столярною работою. В среднем покойце под полом выдолблен был в камне колодезь, наполненный холодною и прозрачною водою. Пустынника в его уединении мы не застали, но нашли только его книги, которые были все письменные (*рукописные* — М. Ч.) и содержали в себе жития разных пустынножителей. Уравнение площади показалось нам быть удивительно, да и лес, которым был наполнен весь грот, не менее приводил нас в изумление. Он складен был в порядочную на козлах сделанную поленницу, а поленье составляли сосновые бревна, длиною в полторы сажени, а в отрубе иные были в три четверти. Из всех его приуготовлений видно, что он для себя избрал трудолюбивую и богомольную жизнь... Сие я достойным описанием почёл, дабы со временем оно не подало причины к каким-нибудь заблуждениям...»

«Заблуждения» случились. Осталась тайной судьба отшельника. Покинул ли он свою келью в скале, удалившись от людей глубже в уральские дебри или даже в Сибирь, или погиб, когда якобы ударившая в скалу молния, обрушила уступ, и от молнии сгорели все его «покойцы» и книги? Но смущает такой факт: молния ударила бы, скорее всего, в вершину скалы, а не в середину её, как смущает и другой: разнёсшийся по соседним глухим деревням слух, что, не иначе, как Антоний хранит золото, может, даже Пугачёва, пугачёвцы в 1774 году разорили соседний Иргизлинский медеплавильный завод. Не убит ли он был и не сожжена ли для сокрытия убийства его келья, как были убиты несколько человек, волей горькой судьбы оказавшихся в окрестностях пещеры и не подозревающих, какую опасность она несёт в себе, уже в XIX и даже в XX веках? Я сам во время одной из экспедиций испытал к себе повышенное внимание, когда сплавляясь по Белой, остановился на ночлег напротив пещеры. Тут же появился мужик из соседней деревни Кутаново с вопросом, не альпинист ли я и не собираюсь ли в пещеру, а если собираюсь, предупредил он, то найденное надо делить пополам. Чем больше я его убеждал, что остановился напротив пещеры только на ночлег, тем большее сомнение читал в его глазах. Я предпочёл свернуть палатку и, не смотря на наступающие сумерки, поплыл дальше.

Позже спелеолог Юрий Соколов, сын нашего экспедиционного врача Виктора Михайловича, кстати, дальнего родственника С. Т. Аксакова, ездивший в первую нашу экспедицию ещё с ночным горшком, закончивший впоследствии географический факультет, тем самым нарушивший двухвековую потомственную врачебную традицию, спуускался в пещеру через несколько лет после салаватских альпинистов, обнаруживших в ней закопченные своды, остатки обгорелых брёвен, полусгнившие верёвки и ворот, которым Антоний поднимал снизу для своего жилища дрова и скромные подаяния — их привязывали к верёвке сплавщики железа с белорецких заводов, а он их благославлял на удачный путь.

— Скорее всего, уступ перед пещерой обвалился не от молнии, а от его перегруза и смещения центра тяжести, — высказал предположение Юра, — ведь Антоний увеличил его до площадки примерно в шесть метров на восемь. Такие размеры, судя по сохранившимся брёвнам, имела его храмина. Редкой был силы и смелости человек. Ну, Лепёхин тоже, хотя он попал в пещеру уже по налаженным Антонием висячим мосткам. Как Антоний крепил брёвна под эти мостки в отвесной скале, на такой высоте — уму непостижимо! А вот с академиком Лепёхиным не захотел встретиться. Можно, конечно, предположить, что его в это время просто не было в пещере, но я полагаю, что он просто избежал встречи.

Через несколько дней после того, как я отправил епископу Николаю выдержку из «Дневных записок...» академика Лепёхина, он позвонил мне:

— С чего начинать подготовку экспедиции?

— Есть в епархии клирики или прихожане — альпинисты, бывшие десантники?

— Я сам буду спускаться, — неожиданно сказал владыка. — Со мной будут спускаться священники, казаки. Прямо в пещере будем служить по пустыннолику литию (заупокойную службу).

— Владыка, Вы не представляете, насколько сложно спускаться на верёвке по отвесной скале в 165 метров до её середины, а потом вкачиваться в пещеру и дальше спускаться вниз к подножью скалы.

— Да? Но я уже объявил о своём решении прихожанам, значит, буду спускаться.

В результате родился общий план экспедиции, тем более, что между Антониевой пещерой и пропастью Кутук-Сумган менее полсотни километров. Но это почти абсолютное бездорожье, что ставило перед нами сразу несколько технических и организационных проблем. Если перебазироваться сухопутным путём, то для переброски почти пятидесяти человек и нескольких тонн груза потребуется большое количество вездеходных машин, которыми можно окончательно разбить лесную дорогу, проходящую по национальному парку, к тому же экспедиционную неделю синоптики обещали дождливой. Можно перебазироваться водным путём, водохранилищем до бывшего хутора Сакаски, но как поднимать по ущелью к пропасти на расстояние четырёх с половиной километров несколько тонн груза? Было решено, что грузы на квадрациклах и на двух уазиках в сопровождении «шишиги» (Газ-66) отправим горами, а сами — на катерах водным путём, чтобы подняться к пропасти по ущелью налегке, а там нас встретят приехавшие на квадрациклах.

И вот мы на поляне напротив Антониевой пещеры. Совершенно отвесная скала с чёрным отверстием посередине во всей своей строгой и неприступной для простого человека красоте.

Владыка Николай, опершись на самодельный посох, внимательно и напряжённо всматривается в неё. Спасатели начинают чистить трассу спуска, камни то и дело в одиночку или разнокалиберной россыпью с грохотом рушатся вниз, в реку.

— Ну как, Владыка? — осторожно спрашиваю.

— Буду спускаться.

Я подошёл к его священническому воинству:

— Ну, что вы решили? — Мне нужно было определиться с количеством спускающихся в пещеру, чтобы поставить задачу спасателям.

— А что решил Владыка?

— Однозначно — спускаться!

— Ну, нам тогда ничего другого не остаётся, — улыбнулся протоиерей Валентин Попов, настоятель Богородице-Казанского храма села Верхотор.

Наутро я видел, что Владыка с трудом скрывает волнение. Спасатели дали сигнал: пора!

— Благословите меня, Михаил Андреевич!

— Ну, Владыка, Вы меня возвели, по крайней мере, в сан митрополита, раз благославляю епископа, — перекрестив, засмеялся я. Я понимал, что не просто, не имея никаких навыков альпинизма, впервые в жизни шагнуть с отвесной скалы в пустоту. Именно шагнуть и потом шагать по скале, а не тащиться по ней на животе, обдираясь и ударяясь о выступы.

Рядом с Владыкой по второй верёвке пошёл с телекамерой на каске Булат Каримов, ведущий программы «Следопыт». Над ними завис беспилотник, которым управлял Динар Равильевич. Главное — пересилить себя и встать на ноги перпендикулярно скале. Первые неуверенные шаги, потом всё уверенней. И вот Владыка идёт уже уверенно. Все остальные участники экспедиции напряжённо наблюдают за ними снизу, с противоположного берега Белой. Вот он надолго завис на одном месте, но уже не по причине неумелости, а по просьбе Булата Вильевича, который в таком положении решил взять интервью. Вот они уже поравнялись с пещерой и скрылись в ней. И, прежде чем шагнуть за обрыв, раскинув руки крестом, тем самым давая спасателям знак о готовности к спуску, пошли следом один за другим, как солдаты за своим командиром, протоиерей Валентин Попов, иерей Олег Кабуков, атаман Сергей Кулагин разумеется, «полковой священник» Аксаковского фонда игумен Зосима. Вот, наконец, они все в пещере, над скалой нависает тишина, словно на ней никого и не было. И можно только догадываться, как в пещере идёт церковная служба, видимо, по полному чину, потому как продолжалась не менее часа...

Потом один за другим все спустились дальше вниз к подножью скалы, где их ждала лодка, чтобы переправить на наш берег...

На другой день переброска к пропасти Кутук-Сумган. Выгрузившись из катеров, поднимаемся по Сакасскому ущелью. Ущелье, как и 50 лет назад, потрясает своей красотой, если я когда-нибудь ещё вернусь сюда, то только из-за него. Если раньше по нему можно было подняться, пусть с трудом, но даже на лошади с телегой, то после гибели хутора Сакаска за дорогой перестали следить, убирать то и дело обваливающиеся со скал глыбы. Теперь же от бывшей дороги не осталось и следа. По выходу из ущелья нас всё чаще встречают «кучки», оставленные медведями, но, к нашему удивлению, не встречают квадрациклы, хотя давно должны были быть здесь. Только уже около самого лагеря один из них появляется навстречу: оказалось, что, в отличие от нас, сухопутную группу два раза накрывал ливень, и дорогу в 35 километров наш грузовой караван преодолел только за пять с половиной часов и то только благодаря «шишиге».

И вот перед нами пропасть. Сколько ни рассказывай, пока не увидишь, не поймёшь, что это такое. Кое-кто даже не решается подойти близко к ней.

В связи со сложностью спуска и ограниченностью времени решено разрешить спуск только «юбилярам» и страхующим их спасателям.

Меня отвёл в сторону игумен Зосима.

— Никак нельзя, чтобы я не спустился. Какой же я тогда «полковой священник»?

— Ну, если сможете уговорить спасателей, — поддался я.

В семь утра, когда все ещё спят, спасатели уходят навешивать снаряжение. Вместе с ними втихомолку уходит отец Зосима.

Панихида по погибшим в пропасти и по Валерию Насонову, погибшему в Каповой пещере. У меня на поясном ремне в память о нём альпинистский карабин, снятый

с него после его гибели. По окончании службы неожиданно просит разрешения на спуск владыка Николай. Я не знаю, как быть, но спасатели тверды:

— Владыка, Вы не представляете всей сложности спуска. Это очень опасно. Это совсем другое, чем спуск в Антониеву пещеру. Ещё сложнее подняться обратно.

Явно расстроенный, он отходит от жерла пропасти.

Я готовлюсь к спуску. Перед тем захожу за угол скалы, тайком меряю давление: повышенное. Делаю пару глотков коньяку из фляжки, давно убедился, что в таких случаях самое лучшее средство, сую её за пазуху. Меня обвязывает Юра Соколов, тот самый, отправляющийся в первую нашу экспедицию ещё с ночным горшком, а через неделю ему уже стукнет 60. И только сейчас узнаю, что в пропасть не идут за мной ни ведущий телепрограммы «Следопыт» Булат Каримов, ни телеоператор Ринат Кашапов, ни входящий в телевизионную группу спасатель 1-го класса Юрий Туманов. Спрашивать, почему — некогда, я уже, откинувшись на спину, завис над жерлом пропасти. К тому же я спускаюсь не в качестве киноактёра. В последний момент Гузель Чулпановна Хамитова, руководитель программы «Следопыт», человек необыкновенного обаяния и мужества, воскликнула: «Нельзя же так, чтобы не было снято». Она прикрепляет телекамеру на каску и параллельно со мной начинает спуск.

На первом десятке метров волнение проходит. Стена резко уходит в сторону, я зависаю в пустоте, останавливаюсь, осматриваюсь, медленно вращаясь. Пропасть шелестит то ли промозглым туманом, то ли вечностью, мимо пролетает жёлтый лист, напоминая о приближающейся осени, на Земле я этого ещё не замечал. Что я себе или кому хочу доказать? Хочу оправдаться перед собой, что три года назад не решился отправиться в экспедицию в Арктику, искать следы пропавших спутников нашего земляка, штурмана шхуны «Св. Анна» Валериана Альбанова? После долгих раздумий я отказался по причине, что могу сорвать экспедицию, вместо поисковой превратить её в спасательную: всего полтора года назад кардиохирурги вытащили меня с того света. Мне 71 год, за спиной куча болезней одна веселее другой, тяжёлая контузия и тяжёлые травмы, я не однажды шит и перешит, от нынешней моей болезни, как говорит в шутку и всерьёз мой врач (он же мой друг), может вылечить только гильотина. Я всё никак не могу приступить к своей главной книге...

Но надо идти дальше. Неожиданно попадаю в петлю навешенной поперёк стены верёвки, по которой «ходят» спасатели. Кричу наверх, там ещё слышат меня, дальше общаться будем только по радию, чтобы основную верёвку дёрнули вверх, а страховочную, наоборот, отпустили, и, оттолкнувшись руками и ногами от стены, переворотом через голову выскакиваю из петли, придя в восторг оттого, что я автоматически, не задумываясь, сделал это, что моё тело, как и 50 лет назад, послушалось меня...

И вот я на дне первого 75-метрового колодца: лёд, холод, шелестящая тишина, кусочек серого неба далеко вверху. Меня встречают прятавшиеся под уступом, мало ли чего я мог обрушить им на голову, спустившиеся раньше меня спасатели Илья Пахомов и Артур Мустафин и улыбающийся «полковой священник» игумен Зосима. Надо сказать, что нас, мирских, команда священников во главе с владыкой Николаем, без преувеличения, потрясла. У некоторых из нас мирских, грешных о них было представление, что кроме того, как махать кадиллом, они ни на что не способны. За мной спускаются мои товарищи по первому спуску: Владимир Камалов, Александр Жаркевич, Эдуард Нигматуллин.

В три стороны идут ходы. Уже не всё помнится. Первый ход сразу же заканчивается тупиком. Второй в скором времени обрывается новым колодцем. В третий продираемся через шкуродёр только со спасателем Ильёй Пахомовым, и снова скоро нас останавливает колодец. Чтобы спуститься в него, нужно навешивать верёвки, но у нас

на это просто не хватает времени да и не было такой цели: уходить далеко вглубь пропасти, хотя, конечно, жаль, что мы не дошли хотя бы до зала Геофака, где когда-то стояли наши экспедиционные палатки, где мы, не имея возможности каждый день подниматься на поверхность, сменами жили по нескольку суток, «вечерами» возвращаясь, до предела вымотанные за день, из всё более дальних и глубоких горизонтов пропасти. Но зато какое было счастье наконец увидеть небо!

Возвращаемся к стволу пропасти. Игумен Зосима начинает меня благодарить, как благодарил, когда я помог ему поехать на 70-летие Победы в Севастополь, где он служил срочную военным моряком.

— Не торопись благодарить, батюшка! — остановил я его. — Что в горах, что в пещерах, самое трудное — обратная дорога.

Увы, я оказался прав. Кто-то из «юбиляров», спускаясь, прошёл петлю, из которой так лихо, неожиданно для себя, вывернулся я, а начавший подниматься первым игумен Зосима упёрся в неё, оказавшуюся между страховочной и основной верёвками, к тому же опрокинувшись и зависнув вниз головой. Выпутаться из этой ситуации самостоятельно он не мог, нужно было вытягивать наверх, перепускать через петлю страховочную верёвку, и на помощь ему срочно «пошёл» спасатель Илья Пахомов, а мы, четверо «юбиляров» со спасателем Артуром, задрав головы, беспомощно смотрели вверх, время от времени окликавая отца Зосиму, чтобы он не испытывал чувства одиночества. Каждый раз он неизменно откликался: «Всё хорошо», хотя понятно было, что хорошего мало. Я то и дело просил Сашу Жаркевича, как оказалось, единственного спустившегося с простеньким фотоаппаратом: «Снимай!». Потому как два профессиональных фотографа со своими навороченными фотокамерами тоже не решились на спуск в пропасть, их можно пожалеть, каких они лишились кадров!

Подъём игумена Зосимы в результате занял почти полтора часа. Все стояли на промозглом сквозняке, на скольком грязном леднике, задрав голову вверх! Несмотря на шерстяные носки, подмерзают ноги, да и спина начинает стыть. Наконец один за другим начинаем уходить наверх, а если говорить правду, нас попросту вытягивают наверх, потому что подъём не по верёвочной лестнице, как 50 лет назад, а по верёвке «на стременах» занял бы очень много времени, а на Земле уже приближаются сумерки, да и, может, не каждому из нас он был бы под силу... Последним из пропасти поднимается спасатель Артур Мустафин.

Теперь я знаю, что надо было повторить эту дорогу, чтобы снова испытать то передаваемое чувство, когда на последних метрах подъёма из пропасти тебя снова охватывает волнение, переходящее в страх, что тебе что-то помешает преодолеть эти последние метры над бездной, которая, кажется, не отпускает тебя, и ты, наконец, вновь оказываешься на Земле, и тебя обволакивает густой воздух, настоенный на душице и зверобое...

Почему-то все мы, наконец, поднявшись, неосознанно опустили на колени. Потом говорили, что у всех у нас были какие-то блаженные лица.

